

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ОРЛОВ Е.В. ФИЛОСОФСКИЙ ЯЗЫК АРИСТОТЕЛЯ¹

Монография Е.В.Орлова поражает насыщенностью, обстоятельностью и глубиной анализа огромного спектра вопросов, связанных с изучением первого – и потому во многом парадигматического для всей традиции – законченного языка европейской философии.

Одна из главных проблем, рассматриваемых в книге Е.В.Орлова, возможность адекватного перевода философского текста, в применении к переводам на русский язык стоит очень остро, и в первую очередь в том, что касается как раз текстов избранного им для анализа античного философа, Аристотеля. Автор без труда демонстрирует (например, с. 10–11 рукописи), насколько отдаляет читателя от однозначности мысли, выраженной в оригинале, малейшая терминологическая небрежность перевода, непоследовательность в русской передаче одних и тех же терминов греческого текста. Отсюда формулируется принцип перевода, да и любой вообще интерпретации философского текста (с. 10): «Надо выявлять в исследуемом тексте случаи *технического словоупотребления*, и по этим случаям пытаться понять соответствующие “смыслы”». Этот первый шаг бесспорен; дальше можно двигаться разными путями. Е.В.Орлова привлекает путь «квадратных скобок», часто позволяющий добиться в той части текста, что остается вне скобок, почти буквального следования оригиналу. Здесь наш автор ссылается на опыт своих отечественных предшественников, а также американца М.Ферта, который, признавая за подобным методом перевода очевидные всем недостатки, оправдывает его тем, что результат, за счет наглядности добавлений, открыт для проверки и критики. На мой взгляд, американский ученый излишне оптимистичен, и я подозреваю, что его мнение основано на ограниченном знакомстве с подлинниками греческих авторов помимо Аристотеля: в противном случае он знал бы, что усеянный квадратными скобками текст для проверки и критики ничуть не пригоднее, чем обычный перевод, просто критика становится более громоздкой и трудоемкой, для достижения той же степени разъяснения контекста и заблуждения переводчика.

Восхищаясь тем, с какой изобретательностью и эрудицией Е.В.Орлов отстаивает необходимость буквальных переводов, я все же не могу согласиться с его выводами. Прежде всего, условны сами понятия «перевод» и «пересказ». Аристотель – не текст закона; здесь, как и везде, встает вопрос о готовности или неготовности переводчика брать на себя ответственность. Нежелание (а если сказать честнее, и неумение) переводчиков (точнее, чаще всего не переводчиков, а издателей) бытующего ныне «рыжего» русского Аристотеля брать на себя такую ответственность привело к тому, что мы имеем: а именно, текст куда менее понятный, чем оригинал (это буквально так, например, в случае с «Топикой»). Самое смешное, что означенный «метод скобок» на деле нисколько не страхует от прячущихся за ним ошибок, чему множество

¹ Отв. ред. В.П.Горан. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. 317 с.

свидетельств дает как раз избыливающий скобками «рыжий» Аристотель.

Мне кажется, что автор вообще несколько, если можно так выразиться, «гипостазирует» проблему возможности точного перевода: это справедливо на уровне слов, словосочетаний и фраз, но применяя этот принцип, в предельном его виде, к законченным смысловым единицам и блокам текста, мы вынуждены будем прийти к ошибочному, на мой взгляд, выводу о полной невозможности ни перевода, ни понимания мысли автора. А тем не менее понять и Аристотеля, и любого другого философа можно, и об этом говорит убедительнее всего вся философская традиция. Если же понимание возможно, пусть оно и остается только индивидуальным (следовательно, индивидуально-искажающим) пониманием, честный переводчик должен не увиливать от ответственности, а излагать свое видение смысла. Благодаря такой его работе мы получим некий образ мысли, запечатленной в оригинале, с сильным дополнительным отпечатком мысли переводчика – ну и что? Как раз из суммы разных переводов, несущих в себе печать разных личностей, и рождается некое бытование того или иного философского текста в данной культуре. Пытаться заменить это многообразие одним якобы «объективным» переводом – претензия столь же наивная, как и попытка создать ничем не окрашенную «объективную» интерпретацию музыкального произведения. Мне кажется, что можно утверждать даже нечто большее: ценное в философском тексте не зависит от произвола философа – не он автор тех истин, которые он стремится изложить. Философский текст не есть плод его фантазии и произвола. Поэтому сам философ не может по определению дать идеальное изложение своего текста, не может создать текст вполне «качественный». Следовательно, переводчик, делая выбор, который он всякий раз должен совершить, отбросив тем самым некую, часто не бессмысленную, альтернативу, не обязательно должен непременно попасть ровно в ту точку, в какую метил автор. Если угодно, путь переводчика – это всегда путь постоянного отбора, на свой страх и риск, вариантов понимания – но это индивидуальный путь переводчика к той же истине, к какой своим путем идет автор.

Даже углубление в проблемы теории перевода – а Е.В.Орлов и в этом предмете проявляет удивительные познания, украшенные массой собственных остроумных наблюдений, – не решает вопроса в пользу «скобочного» буквального перевода. На стр. 24 мы читаем: «Интерпретация оригинального философского текста, будучи первой фазой перевода, в то же время является “упражнением” именно по философской контрастивной лингвистике в рамках двух (и более) философских языков. “Перевод” философских имен (и глаголов) является собственно не переводом, а сопоставлением языковых единиц двух (и более) философских языков. “Интерпретация текста”, по крайней мере философского, как первая фаза перевода и как “упражнение” по философской контрастивной лингвистике, будучи связанной с контекстами *технического словоупотребления* автора исходного текста, предполагает выход за рамки не только данных контекстов, но и всего текста и даже за рамки творчества данного философа. Ибо интерпретация оригинального текста включает в себя (или по крайней мере, учитывает) сопоставление философских языков». Эти мысли безусловно справедливы, но они очерчивают лишь нижний уровень искусства перевода, владение которым столь же необходимо «обычному» переводчику, сколь и «буквалисту». Ведь дело, к сожалению, далеко не сводится к словоупотреблению и его контекстам. В любом языке, и в особенности в древних, имеются огромные отличия от любого современного (по крайней мере, европейского) языка в том, что условно можно назвать

«способами выражения мысли», или, если угодно, в самом стиле мысли. Наречия, служебные слова, даже прилагательные, хотя все они и имеют, разумеется, в каждом случае вполне определенный набор детерминированных контекстами переводов, на деле постоянно должны переводиться не буквально так, как указывает словарь, точнее, они вообще не могут переводиться сами по себе, но лишь в сочетании с содержанием всего мыслительного эпизода, в передаче которого они участвуют. Греческий язык особенно любит разделять грамматический и смысловой акцент, и никакими квадратными или иными скобками тут делу не поможешь – единственная надежда на успех кроется в двух качествах переводчика (того редкого переводчика, который ими обладает): в его способности хорошо понимать оригинал (в применении к Аристотелю сюда входят в равной степени умение «видеть» греческий текст и умение мыслить «по-аристотелевски») и в его владении философской речью по-русски (что тоже, к сожалению, есть большая редкость, особенно учитывая слабую разработанность способов философского высказывания в русском языке). Вот характерный пример: на стр. 54 Е.В.Орлов следующим образом переводит известное высказывание Аристотеля из 3-й главы VI книги «Никомаховой этики» о способах достижения истины: «Пусть будет пять по числу [способов, какими] душа истинствует, утверждая и отрицая» и т. д. Словом «истинствует» переводится глагол *alêtheuei*, однако тем самым достигается лишь мнимая точность, т. к. по-русски «истинствует» просто ничего не значит – это всего лишь мнимо-величавое слово, своей нарочитой противостоительностью напоминающее пресловутое «мухоедство». Человек, знакомый с греческим узусом, распознает в нем оригинал – но зачем нужна такая копия, когда оригинал доступен? Другой же, не знающий по-гречески, будет только введен в заблуждение, т. к. в данном случае мы имеем дело именно с различием в типичных способах выражения, не допускающих буквального перевода: греческие глаголы с суффиксом *-eu-* (например, *aristeuô*) часто служат для выражения образа действия, акцент во фразе с них смещен в пользу действия, выраженного причастием. Чаще всего такие конструкции соответствуют русскому глаголу (который несет значение, в оригинале вложенное в причастие) с наречием или иной обстоятельственной конструкцией, вплоть до придаточного предложения (эта конструкция передает значение деакцентированной личной формы греческого глагола). В сущности, Аристотель говорит здесь, что истинность утверждений и отрицаний свойственна пяти познавательным статусам, тогда как два других («допущение», в терминологии Е.В.Орлова, и мнение) истинности не гарантируют.

Впрочем, Е.В.Орлов отдает себе отчет в мере применимости и потенциальной ценности буквального перевода, а его размышления о специфике перевода именно философского текста по сравнению с текстом «обычным», предложенные им уточнения к общей теории перевода, которые способны составить нечто вроде частной теории философского перевода, одинаково важны и для буквалиста, и для сторонника традиционных переводов. Вся монография Е.В.Орлова может служить богатейшим источником блестящих частных наблюдений и переводческих (естественно, тем самым и интерпретационных) рецептов. Повсеместно это требовало от автора углубления в самое существо давно ведущихся теоретических дискуссий, и здесь он неизменно оказывается на высоте: всю монографию отличает превосходное знание всего объема научной литературы по каждому частному вопросу и по глобальным проблемам, в рамках которых тот или иной вопрос встает; при этом очевидно, что в уме у него давно выстроена иерархия значимости и по-

тенциальной достоверности суждений и аргументов, высказанных разными исследователями², что позволяет достичь замечательной краткости в изложении труднейших задач интерпретации и создает обманчивую видимость легкости, с какой Е.В.Орлов приводит своего читателя к твердому и обоснованному результату. Значение выполненной им работы трудно переоценить: всякий, кому приходилось переводить хотя бы одну неслучайную (т. е. теоретически насыщенную) цитату из Аристотеля для своей статьи – не говоря уже о тех, кто лелеет более амбициозные планы поправить наконец печальное состояние дел с отечественными переводами Стагирита, – всякий такой специалист на опыте знает это чувство растерянности и беспомощности, когда для перевода одного из группы близких аристотелевских терминов ему приходится колебаться между набором случайных русских соответствий, которыми его предшественники пользовались каждый по своему произволу.

Особенно важно то, что терминологические ряды соответствий между языком Аристотеля и языком русских переводов Е.В.Орлов выстраивает, опираясь на исключительно точное и глубокое знание теории Аристотеля: каждое частное решение, им предлагаемое, исходит из скрупулезного анализа использования данного корня в оригинале логических и иных трудов философа, и оценки возможностей языка перевода. Не все полученные в ходе такого процесса конечные результаты выглядят одинаково убедительно для всех читателей³, но все они равно полезны для будущего русского переводчика, который по ознакомлении с монографией нашего автора будет лучше вооружен в главной части своего ремесла, чем любой из его предшественников. В частности, мне кажется абсолютно точной и весьма поучительной найденная Е.В.Орловым формула различия между аристотелевской семантикой корней, которые характерны для слов знания, связанных с глаголами *gignôskô* и *epistamai*: «Аристотелевская дистинкция «знания-познания» актуализируется в связи с проблематичностью отношения чувственного восприятия и знания... Позиция Аристотеля по этому вопросу такова: чувственное восприятие есть какое-то познание (*гносис*), но не знание (*эпистема*)» (с. 41–42).

Это вообще важнейшая и замечательная черта книги Е.В.Орлова: он неизменно стремится раскрыть философский смысл аристотелевских терминов и понятий: так, индукция (Аристотелево «наведение») в этой системе может быть обоюдонаправленной (т. е. фактически включать в себя и дедукцию) лишь потому, что с точки зрения самого Стагирита это лишь разновидности одной операции – наведения универсального на единичное, – и возможна такая трактовка только в силу того, что посылки аристотелевских силлогизмов всегда берутся из универсальных терминов. Е.В.Орлов совершенно прав, полагая, что только приведя терминологический словарь Аристотеля в систему можно полноценно судить о назначении отдельных терминов; это позволяет исследователю мимоходом вносить очень ценные коррективы в интерпретацию и перевод иных авторов – так, совершенно справедливы замечания

² Взять хотя бы первый же – и очень убедительный – пример с термином *epistêmê*, разбираемом в книге на с. 31–33; но и далее на том же уровне выполнен анализ и всех прочих аристотелевских терминов знания. Е.В.Орлов совершенно справедливо настаивает на необходимости выстроить в русском языке слова этой группы (как и любой другой группы терминов Аристотелевой философии) в связную систему, так или иначе – но по возможности строго – соответствующую системе оригинала. Нельзя не согласиться и с наделием равноправной с другими техническими словами знания ролью глагола *lambanô* и его производных.

³ Например, корневой эквивалент «ведать», предлагаемый для греческого *eidenai* (с. 41), в литературном русском языке несет скорее чисто стилистическую окраску, нежели сколь-нибудь заметную смысловую нагрузку по сравнению с другими глаголами знания.

Е.В.Орлова по поводу переводов слов предзнания/предпознания в «Источнике познания» Иоанна Дамаскина (с. 47).

В кратком отзыве нет никакой возможности откликнуться на все невероятное богатство интереснейших наблюдений Е.В.Орлова над терминологией Аристотеля, которая, как не устаёт самым убедительным образом из раза в раз показывать наш автор, вырастает из предложенных Стагиристом решений философских проблем, от самых общих до частных. Отныне братья за перевод Аристотеля на русский язык, не изучив с должным усердием монографию Е.В.Орлова, будет не только недопустимо, но и смешно: здесь задается настолько высокий стандарт точности в передаче языка Аристотеля, что все существующие переводы нужно признать временными и ограниченно применимыми.

В дополнение ко всему сказанному необходимо подчеркнуть, что эта рецензия создаст совершенно ложное впечатление, если прочитавший её решит, будто достоинства монографии Е.В.Орлова исчерпываются предложениями, касающимися способов передачи Аристотелевой терминологии, сколь бы замечательным это достижение ни было само по себе. В действительности содержание книги неизмеримо богаче: сама последовательность анализа терминов, помноженная на выдающиеся знания и опыт автора, позволяет видеть в его труде нетривиальное и очень насыщенное введение в философию Аристотеля и, во многих разделах, углубленную ее интерпретацию. Пожалуй, такое введение будет слишком трудным для новичка: чтобы одолеть книгу Е.В.Орлова, читатель должен обладать знаниями по философии вообще и, в частности, по античной философии (хотя бы настолько, чтобы иметь достаточное представление о ее классических проблемах); не менее желательно и знакомство его с древнегреческим языком. Но иное в настоящее время порусски и невозможно: чтобы тексты Аристотеля, с базовым комментарием, можно было рекомендовать для общего введения в философию, как это нередко делают в английских колледжах, вначале надо преодолеть концептуальную отсталость русских переводов Стагирита и создать надежную традицию бытования его текстов в русском изводе. Монография Е.В.Орлова – самая серьезная заявка на роль краеугольного камня в этом предприятии из всего, что мне известно.

Книга написана уверенной рукой, за каждой фразой чувствуется присутствие мастера и знатока предмета, умеющего всякий раз найти самую эффективную и экономную формулировку для выражения своей мысли. Лично для меня труд Е.В.Орлова отныне станет настольным пособием при работе с текстами Аристотеля. Надо поздравить автора с блестящей, очень нужной всем исследователям античной – и не только – философии книгой; это исследование мирового класса, ставящего аристотелевские штудии в нашей стране на принципиально новый уровень.